

ОТЧАЯНИЕ

К.А. ВОЙЧЕШЕК

Автор анализирует проблему отчаяния на основе философско-антропологической теории личных отношений (св. Фома Аквинский — М. Гогач), в которой личные отношения, как явление духовное, противопоставлены эмоциям. Состояние отчаяния рассматривается как результат разрушения личных отношений в этом их понимании. В качестве отдельного случая отчаяния обсуждается ситуация алкогольной и наркотической зависимости.

Ключевые слова: процесс отчаяния, кризис любви, зависимость, редукционизм, философская антропология

По словам датского философа Серена Кьеркегора, большинство из нас живет в непризнанном (негласном) отчаянии. Этот смелый тезис был выдвинут в девятнадцатом веке, когда многие знаменитые философы, в том числе Гегель, объявляли конец истории и наступление периода совершенного государства. Может быть, поэтому такой пессимистический диагноз был оставлен совсем без внимания. В двадцатом веке мы вернулись к нему на волне послевоенной философии экзистенциализма, а тезисы датчанина знал каждый студент и даже ученик. Теперь, когда философия экзистенциализма постепенно уходит в прошлое, кажется, что Кьеркегор просто преувеличил и необоснованно обобщил свои собственные психические проблемы. Мы будто бы вернулись к гегелевскому оптимизму. Однако зарождающийся кризис, похоже, восстанавливает жизнеспособность этой идеи. Слишком многие явления современного мира пахнут отчаянием, пусть даже датский философ понимал это слово совсем по-другому, чем принято считать.

Мы живем в эпоху, когда средства массовой информации заваливают нас сведениями, которые нарушают наш внутренний мир и отнимают у нас оптимизм. Миру угрожают: глобальное потепление, голод, терроризм, масштабные миграции, политические кризисы и даже войны. В таких условиях легко приходит в голову одно слово — отчаяние.

Могут ли быть эти явления сами по себе источником отчаяния? С точки зрения Кьеркегора — нет, потому что он понимал отчаяние как

специфическое духовное состояние человека, а не психологическое явление, следующее из травмы или несчастья. Это отчаяние приводит к беде, а не беда к отчаянию.

Источником этой идеи Кьеркегора является христианская мысль, хоть и рожденная в климате нравственно строгого протестантизма, но представляющая одну из возможных интерпретаций религиозных идей, содержащихся в Ветхом и Новом Заветах. В этом виде она дожила до многочисленных современных интерпретаций и критики. Однако не она нас тут интересует. Я хочу представить еще один подход к пониманию отчаяния, а именно подход томистский, также возникший на почве христианского мировоззрения. Возможно ли это? Как правило, Фому Аквинского не принято связывать с темами, относящимися к экзистенциализму. Тем не менее, современный польский философ, профессор Мечислав Гогач [Gogacz, 1983, 1985a] в 80-ые годы XX века выдвинул оригинальную томистскую теорию отчаяния, теорию с большим как антропологическим, так и психологическим потенциалом. Его ученики, в том числе Артур Анджеюк [Andrzejuk, 2003] и Кшиштоф Войчешек [Wojcieszek, 2005], предприняли попытки дальнейшего развития этой теории, в частности, ее психолого-педагогического применения [Wojcieszek, 2010].

Что такое отчаяние в теории Гогача?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала дать отчет в том, кто такой человек, и каковы его отношения к другим людям. А также — что такое любовь, и какое она имеет значение для человека. Только после ответа на эти вопросы мы можем представить отчаяние в должном ему размере.

Аквинат понимал человека как личность, следуя теории философа Боэция. Человек существует в качестве реального бытия, является разумным и свободным. Он также продолжал традицию Аристотеля, в которой человеческая личность была двойственной, включая в себе материальную (тело) и нематериальную (человеческая душа) возможности. Обе возможности тесно связаны друг с другом, таким образом раскрывая *commensuratio*, в современной философии — ответственность или взаимозависимость. Томизм подчеркивает также центральную роль человеческого акта существования (экзистенции), превосходящего сущность человека (эссенцию), которую Аристотель называл душой. Акт существования делает реальной и осуществляет сущность, в том числе человеческую форму, и происходит непосредственно от Бога, который является *Ipsum Esse Subsistens*, Самосущной сущностью, и может создавать зависимые существующие субъекты [Andrzejuk, 1998].

Какой вклад вносит данная теория в нашу тему отчаяния? Прежде всего, благодаря ей мы можем соответствующим образом говорить о таком понятии как любовь, и отметить в первую очередь, что она содержит, по крайней мере, две составляющих [Andrzejuk, 2003, 2004, с. 213—226]. Она не складывается только из чувств, особенно психологически понимаемых как эмоции. Ее основой является личное отношение, понимаемое Гогачем (и Фомой Аквинским) как ответ нашей сущности на проявление акта существования другой человеческой личности или Бога. Любовь — это реакция на реальность, на один из шести трансцендентальных видов проявления актов существования бытия (отдельность, единство, реальность, истина, добро и красота).

Обычно мы думаем, что красота определяет любовь, но на самом деле это не совсем так. Красота тела активизирует чувства, но именно реальность — простой факт, что другой человек есть, является источником любви как личного отношения. У нас в Польше известна песня: «Хорошо, что ты есть...». Она прекрасно описывает основную причину любви как личного отношения — само реальное существование другого человека является достаточной причиной, чтобы его любить. Если же говорить о некоторых физических преимуществах, в том числе о красоте, то они активизируют эмоциональную составляющую любви.

Аквинат всегда подчеркивал единство физического и духовного начал в человеке. Человеческая любовь всегда состоит из этих двух разных действительностей — реляционной и эмоциональной. Первая является простым утверждением существования другого, вторая — точной эмоциональной реакцией на его «характеристики», особенности «материала» в широком смысле (включая психологические свойства). Личное отношение есть бескорыстное восхищение самим существованием другого, из которого исходит желание служить другому и обогащать его самим собой. Эмоциями руководят потребности организма, а, следовательно, они «эгоистичны». Эта постоянная двойственность «эгоизма» и «альтруизма» в каждой любви является особенностью человека, учитывая его телесно-духовный дуализм, и принадлежит его человеческой природе, его сущности.

Любовь является своего рода центральным отношением к другому человеку, и ее может вызвать потенциально каждая личная встреча. Одновременно любовь есть подтверждение нашей собственной человеческой ситуации, предполагающее нашу способность любить, что невозможно в мире животных, которые, имея иногда богатую эмоциональную жизнь, не могут строить личные отношения. Христианство идет еще дальше: мы можем любить Бога, который сказал, что Он есть Лю-

бовь. Этот аспект ярче всего присутствует в словах Иисуса, записанных в Евангелии от Иоанна.

Из-за своего огромного значения, любовь становится для нас необходимой. Буквально: жизнь без любви не имеет смысла. Традиционно выделяют много разновидностей любви; мы только добавим, что самая важная разделительная линия проходит между тем типом, в котором преобладают личные отношения, и тем, в котором доминирует чувство [Wojcieszek, 2010]. Первый тип любви — это *dilectio*, единственный, который вполне достоин человека. Любовь, в которой преобладает чувство (эмоции), характеризует утилитаризм и гедонизм, и она не отвечает стремлениям человека как личности.

Дуалистическая природа человека и сложность любви способствует тому, что здесь появляется место для кризиса, называемого отчаянием. На самом деле, в соответствии с Гогачем, отчаяние является своего рода неправильной реакцией на кризис человеческого опыта любви. Этот кризис может быть вызван многими факторами. Тут включаются естественные катастрофы, например, смерть любимого человека, но также и простое «Я не хочу, чтобы ты...», связанное с нашей свободой. В любом случае, место отчаянию есть там, где по каким-либо причинам мы переживаем кризис любви в ее нынешнем виде. Очень часто это происходит, когда мы отождествляем любовь только с эмоциями. Они, как каждый материальный компонент, изменчивы и исчерпываются после удовлетворения управляющих ими телесных потребностей. Это может создать впечатление кризиса любви, так как личные отношения не ощущаются как нечто материальное. Человек испытывает чувство внутренней пустоты и ошибочно думает, что это означает конец любви. Однако любовь как отношение продолжается, потому что ее уничтожает только наше сознательное решение, направленное против другого человека и создания с ним общности. Отношение не исчезает вместе с эмоциями, только выражается по-другому.

В этой ситуации человек может ошибочно полагать, что любовь умерла [Gogacz, 1985a]. Например, в случае смерти близкого человека. Остались воспоминания, которые доставляют лишь боль. Мы не можем увидеть любимого, поговорить с ним. Известен один замечательный исторический эпизод с участием польского короля Сигизмунда Августа. Он так был привязан к своей любимой Барбаре Радзивилл, что положил на чашу весов все свое царство, когда решалась судьба его брака, и его заставляли разорвать отношения с Барбарой. Его мать, итальянская принцесса Бона Сфорца, якобы отравила Барбару после свадьбы (историки опровергают такое мнение). Известно, что король быстро стал вдовцом.

В отчаянии он шел пешком позади ее гроба из Гродно в далекий Краков, в нескольких сотнях километров пути! Необычное поведение для властелина могущественной тогда страны. Потом он попытался установить контакт с Барбарой с помощью шарлатана-алхимика Сендивоя, который якобы вызывал дух Барбары в королевском замке. Он готов был на все, чтобы хоть на минуту вновь увидеть свою любимую.

В таком состоянии легко прийти в отчаяние [Bowlby, 1980, с. 472]. И, как правило, с таким эмоциональным состоянием мы связываем это слово, обращая внимание, в первую очередь, на эмоциональный фон. На самом деле, основой отчаяния являются не эмоции, но убеждение, что объекта любви (личного отношения) больше нет, так как по какой-то причине он стал для нас недоступным. Другими словами, начало отчаяния — в переживании конца любви, ее невозможности. Эмоции сосредоточены вокруг личного отношения, и в таком состоянии, когда оно расторгнуто или пришло в запустение, эмоции, не поддержанные свободным решением, приходят к постепенной диссипации [Gogacz, 1985б]. Этапы такого процесса: неуверенность (чувство угрозы), потеря смысла жизни, угасание мотива самосохранения. В этой точке, если ничто не положит конец отчаянию, мы становимся крайне уязвимыми, потому что эмоции выполняют защитную функцию по отношению к нашему организму. Нам угрожает смерть, мы теряем чувство самосохранения.

Интересно, что этот процесс происходит не только в отношениях человек — человек. Гогач использовал эту теорию для объяснения кризиса любви в отношениях человек — Бог, кризиса религиозной жизни.

Отчаяние как ошибка (или следствие недостатка знаний)

Состояние отчаяния это не то же самое, что печаль, горе, меланхолия. Это скорее метафизическая основа для различного рода психологических состояний. Поскольку современная психология строго отделяет себя от традиционной метафизики, ей очень трудно это понять. Однако уже Кьеркегор и даже Блаженный Августин отмечали, что отчаяние может скрываться даже под видом юмора! Состояние духа, описанное святым Августином в «Исповеди», отвечает, в какой-то мере, именно той потере основы эмоциональной жизни, которую мы называем состоянием отчаяния. Наблюдать отчаяние не так просто, мы улавливаем его косвенно, через его последствия, в том числе эмоциональные. Это еще труднее, когда культура, формирующая нашу внутреннюю жизнь, изолирует нас от знания нашей собственной духовной природы. Материализм и редукционизм, таким образом, являются в определен-

ной степени источниками отчаяния, потому что они вызывают путаницу. В чем это заключается?

Первый тип путаницы заключается в отождествлении любви только с эмоциями. Когда чувства слабеют или меняются, это ошибочно считают концом любви. Однако любовь как специфическое личное отношение «нерушима». Будучи нематериальной, она не подлежит типичному для эмоций износу. Слишком быстро мы принимаем кризис эмоции за кризис любви. Не это ли является сегодня причиной непрочности отношений? Современная культура, не признающая другого понимания любви, кроме как чисто эмоционального, подвергает своих последователей кризисам [Gogacz, 1985a; Gogacz, 1988; Gogacz, 1985b].

Другим типом проблем современного человека является абсолютизация любви [Gogacz, 1984a]. В мире, из которого изгнан Бог, человеческая любовь кажется единственной возможностью, единственным раем. Однако, отождествляя любовь с эмоциями, мы очень быстро рай превращаем в ад (напомним вопль Ж.-П. Сартра: «Ад — это другой»). Даже если нам удастся построить великую любовь, ей всегда будет угрожать какой-нибудь случай или смерть. Тот, кто все свои упования положил в другом человеке, становится беззащитным перед фактом потери этой любви. Отсюда вывод, что никто не застрахован от подобного испытания и диагноз всеобщности отчаяния, поставленный Кьеркегором, верен.

Между тем, классическая философия утверждает, что разлука не вечна, потому что человек вечен. Такого мнения также твердо придерживается религия, в особенности христианство. По большому счету, верующий не должен абсолютизировать человеческие отношения, так как любить Бога — превыше всего. Верность этой заповеди защищает его от отчаяния, сопровождающего кризисы человеческой любви. Дополнительной гарантией от отчаяния является надежда восстановить утраченные отношения в вечной жизни. По этой и ряду других причин, явление отчаяния не характерно для общества, культура которого несет в себе полноту знания о человеке как духовно-телесном существе, его возможностях общения с Богом. Благодать — эффективное средство от отчаяния.

Может быть, поэтому в обществах, живущих без благодати, широко распространено отчаяние? Похоже, что это так, хотя и по несколько иным причинам, чем те, что указаны экзистенциализмом.

Психологические следствия теории отчаяния

Психологу часто приходится иметь дело с людьми, состояние которых указывает на отчаяние, но он не всегда опознает его как таковое.

В случаях очевидных, например, в ситуации тяжелой утраты, психологическая практика дает хорошие результаты, реализуя различные эффективные стратегии преодоления травмы. Но что делать с теми, чье состояние не указывает на драматический опыт? С теми, кто «просто не хочет жить»? Психотерапевты нередко сталкиваются с такими клиентами. И поэтому, на мой взгляд, психотерапии следует отдать должное классическому знанию о человеке, тщательно изучит то, что сделано философской антропологией. Без глубокого понимания человеческой любви и ее превратностей возможная помощь клиенту скользит по поверхности его проблем.

Особой ситуацией является роль отчаяния в случае алкоголизма и наркомании [Wojcieszek, 2005; Wojcieszek, 2010]. Хорошо известно, что на конечной стадии зависимости нарушаются контакты с другими людьми, любовные связи, и человек остается практически совершенно один. Это очевидно, и это легко понять. Но согласно моей собственной теории [Wojcieszek, 2011], проблемы начинаются гораздо раньше, во время первых контактов с алкоголем или наркотиками, когда зависимость и распад еще незаметны. Употребление алкоголя или наркотиков доставляет сильное удовольствие (стимулирует центр удовольствия). В результате такого опыта человек может начать злоупотреблять эмоциями (материальное) за счет личных отношений (духовное). Психолог развития сказал бы, что мы имеем дело с регрессом и доминированием принципа удовольствия. В таком человеке с самого начала, после опыта наркотического удовольствия, ослабевает любовь и направленность на личные отношения, он нацелен только на эмоции (только материальный аспект любви), и это значит, что он находится в начальной стадии отчаяния, обычно незаметного ни для него, ни для кого-либо другого. Последующие алкогольные или наркотические опыты усиливают эту тенденцию и, в конце концов, доводят ее до полноты, видимого кризиса любви — отчаяния, неспособности любить.

Неслучайно встречаются молодые люди, одетые в майки с надписью «Пиво лучше, чем женщины, потому что оно всегда доступно, а женщины нет». Всем известное одиночество алкогольно-зависимых людей имеет началом духовный процесс отчаяния. Оно не только конечный результат, но и важный фактор (причина) самой зависимости или проблем с алкоголем. Если это так, то профилактика и терапия должны обращать внимание не только на материальные аспекты проблемы, но также («также», а не «вместо этого») и на духовную ситуацию клиента. Любовь, а вернее опыт любви, похоже, есть главное в попадании в любовь зависимость, и в конечном итоге, в глубокое отчаяние.

ЛИТЕРАТУРА

- Andrzejuk A. 1998. Słownik terminów. *Summa teologiczna św. Tomasza z Akwinu, tom 35 przekładu polskiego*, Veritas/Navo, Warszawa-Londyn.
- Andrzejuk A. 2003. *The Thomistic Theory of Personal Relation, Materials of International Congress «Christian Humanism in the Third Millenium»*, Rome, 21–25 Sept.
- Andrzejuk A. 2004. Tomistyczna teoria relacji osobowych, *Studia Christianae Philosophie*, vol. 40, nr 1.
- Bowlby J. 1980. *Attachment and Loss*, vol. III, Loss sadness and depression, Basics Books Inc. Publ., New York.
- Gogacz M., 1983. Filozoficzne rozważania o rozpacz i nadziei, «*Studia Philosophie Christianae*», vol. 19.
- Gogacz M. 1984a. Rozpacz i ateizm, «*Mysł Społeczna*», vol. 20, nr 29.
- Gogacz M. 1984b. Jak przetrwać rozpacz, «*Mysł Społeczna*», vol. 20, nr 31.
- Gogacz M. 1985a. *Człowiek i jego relacje*, Warszawa.
- Gogacz M. 1985b. *Ciemna noc miłości*, Wyd. Sióstr Loretanek, Warszawa.
- Gogacz M. 1988. *Największa jest miłość*, Wyd. Michalineum, Warszawa/Kraków.
- Kierkegaard. 1849. «*Sygdommen til Døden*».
- Wojcieszek K. 2005. *Na początku była rozpacz...*, Kraków.
- Wojcieszek K. 2010. *Człowiek spotyka alkohol*, Kraków.

DESPERATION

K.A. VOYCHESHEK

The author analyzes the problem of despair in frame of the philosophical-anthropological theory of personal relationships (St. Thomas Aquinas — M. Gogacz). In this approach personal relationship as spiritual phenomenon is an opposition to personal emotions. State of despair is proposed to be seen as a result of destruction of such personal relationships and connections. The personal situation of despairation is studied on cases of alcohol and chemical addiction.

Keywords: desperation, the crisis of love, dependence, reductionism, philosophical anthropology